

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-168-180>

<https://elibrary.ru/HJBZHN>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0
(CC BY-NC-ND)

© 2023 г. А.А. Орлова

БОСЯЧКА, МАТЬ, РАСПУТНИЦА: ХАРАКТЕР И ТЕЛО ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «ЖЕНЩИНА»¹

Аннотация: В работе анализируется образ Татьяны — главной героини рассказа М. Горького «Женщина» (1912). Рассказ входит в цикл «По Руси», цель которого — создать «рисунок души народа», тем не менее в нем разрабатывается и гендерная проблематика, содержатся отголоски идей В.В. Розанова о реабилитации плоти и преклонении перед витальностью женщины, неходящие при этом до метафизического «обожествления пола»; для А.М. Коллонтай героиня становится художественным предвосхищением нарождающегося социального типа «новой женщины». Татьяна воплощает как реальный тип, так и абстрактные представления писателя об идеальной фемининности, наделенной материнскими чертами. Восприятие Татьяны героем-рассказчиком раскрывает проблематичность для Горького категории сострадания в его связи с ревностью, агрессией и сексуальным влечением. Сексуальность в рассказе изображена как репродуктивное начало, которым движется творимое в пространстве цикла мироздание. Характер Татьяны противоречив, он сочетает в себе самостоятельность мышления, бунтарство, устремленность к благой цели и «пассивизм», осуждаемый Горьким как национальная черта.

¹ Автор признательна А.Г. Плотниковой за вдохновение и помощь в работе.

Ключевые слова: М. Горький, женщина, фемининность, телесность, витальность, «По Руси».

Информация об авторе: Анна Антоновна Орлова — приглашенный преподаватель, Московский институт психоанализа, Кутузовский пр., д. 34, стр. 14, 121170 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1135-9380>

E-mail: anya.orlova@inbox.ru

Для цитирования: Орлова А.А. Босячка, мать, распутница: характер и тело главной героини в рассказе М. Горького «Женщина» // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 168–180.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-168-180>

© 2023. Anna A. Orlova

TRAMP, MOTHER, WENCH: PERSONALITY AND BODY OF THE MAIN CHARACTER IN M. GORKY'S SHORT STORY A WOMAN

Abstract: The article analyzes the image of Tatyana, the main character of M. Gorky's short story *A Woman* (1912). The story is included in the cycle *Through Russia*, the purpose of which is to create "a sketch of the soul of Russian people", however, it also develops gender issues, contains echoes of the ideas of V.V. Rozanov about the rehabilitation of the flesh and the worship of women's vitality vitality, while not reaching the metaphysical "deification of sex"; for A.M. Kollontai this heroine becomes an artistic anticipation of the emerging social type of the "new woman". Tatyana embodies both the real type and the abstract idea of the writer about the ideal femininity, endowed with maternal features. The perception of Tatyana by the narrator reveals the problematic nature of the category of compassion for Gorky in its connection with jealousy, aggression and sexual desire. Sexuality in the story is depicted as a reproductive principle, which moves the universe created in the space of the cycle. Tatyana's personality is shown as contradictory, it combines independent thinking, rebelliousness, striving for a good goal and "passivism", condemned by Gorky as a national trait.

Keywords: M. Gorky, woman, femininity, corporeality, vitality, *Through Russia*.

Information about the author: Anna A. Orlova, visiting lecturer, Moscow Institute of Psychoanalysis, Kutuzovsky ave., 34, bd. 14, 121170 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1135-9380>

E-mail: anya.orlova@inbox.ru

For citation: Orlova, A.A. “Tramp, Mother, Wench: Personality and Body of the Main Character in M. Gorky’s Short Story *A Woman*.” *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 168–180. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-168-180>

Женские образы в прозе М. Горького исследовались неоднократно (см., например: [Зусева-Озкан; Уртминцева, Максимова] и др.), однако рассказ «Женщина» (1912) предметом прицельного гендерного анализа не становился. Он входит в цикл «По Руси» и изначально был одноименным ему (с подзаголовком «Из впечатлений проходящего»). В 1915 г. для публикации в собрании сочинений, готовившемся в издательстве «Жизнь и знание», текст получил название «Женщина» — тем самым в нем был акцентирован гендерный компонент. Писатель интересовался положением женщин, их участием в общественных движениях, в том числе в период создания этого произведения (см. его письма Б.Р. Кама и А.М. Коллонтай [Горький, 2003, с. 152, 183]), и в 1911–1912 гг. состоял в переписке с В.В. Розановым, что располагает к рассмотрению рассказа в контексте дискуссии о «женском вопросе» и «проблеме пола», а также к тому, чтобы обратить внимание на специфику изображения женской телесности.

Рассказ включен в цикл, задачу которого Горький формулировал в письме А.М. Устинову так — создать «рисунок души народа», познать среду, «в коей мы живем, коя нас создала и — привила нам все свои достоинства, а крепче их — свои недостатки, из коих главный суть — пассивизм» [Горький, 2002, с. 77]. Эта установка отразилась в фигуре героя-рассказчика — «проходящего», как бы включенного исследователя, описывающего события и их участников со своей точки зрения. В.Т. Захарова определяет его позицию как «*активно-страдательную*» [Захарова, с. 29], как стремление разделить с людьми все ниспосланное им жизнью. Героиня рассказа Татьяна — странница, путешествующая с босяками в поисках своего счастья, которое «продумано у нее насквозь» [Горький, 1972 b, с. 286]: муж и дети, земля с огородом и пашней, уважение окружающих. Однако достичь этого героине не удастся, и для рассказчика ее образ становится воплощением «десятков бесплодно и бессмысленно погибающих русских людей» [Горький, 1972 b, с. 294].

В образе Татьяны синтезируется несколько подтекстов, реализующихся как на уровне авторского замысла, так и на уровне рецепции в критике. Так, А.А. Измайлов, рецензируя рассказ, вписывает его в ряд «беллетристической публицистики», начиненной традиционными размышлениями о «женской доле» и пагубной «распутнице русской жизни», о том ее хаосе, «какой приводит к гибельному концу существования, по-видимому, созданного для разумного бытия, для крепкой любви, для смысла и порядка» [Измайлов, с. 123–126]. А.М. Коллонтай вводит образ Татьяны в дискурс «новой женщины», приводя в одноименной статье пример этой «кочевницы-работницы»: она идет по земле, «носит в душе своей мечту затаенную», «с глазу на глаз, грудь с грудью ведет она непрерывную, неустанную борьбу с судьбою», но счастье ее «уплывает все дальше и дальше». «Растрогал душу ее проходящий, заплакала, загорелась и отдалась ему просто, правдиво, как отдаются, вырывая у жизни свои маленькие земные радости, одинокие, “холостые” поневоле женщины» [Коллонтай, с. 7].

От других персонажей рассказа Татьяну отличает именно самостоятельно выработанный план жизни, которому она следует. Для рассказчика, которого Татьяна отказалась взять в спутники, это видение жизни удивительно и в то же время не до конца понятно; героиня оставляет его в размышлениях: «Новую деревню хотела построить на земле, хотела создать *какую-то* новую, хорошую жизнь...» (Курсив мой. — А.О.) [Горький, 1972 б, с. 293].

Сексуальная свобода героини возмутительна как для многих консервативных критиков [Горький, 1972 б, с. 603], так и для персонажей-странников, однако рассказчик явно воспринимает ее вне андроцентричной бинарной репрезентации (либо святая, либо грешница). Сама Татьяна как бы «изымает» себя из норм сексуальной морали и, проведя ночь с рассказчиком, произносит: «Вот, как случилось... Ну — ничего... Господь мне простит...» [Горький, 1972 б, с. 288]. Героиня сама выступает судьей своих поступков, проявляя таким образом свою субъектность.

Странник Конев, которого рассказчик спустя пять лет встречает в тифлисской тюрьме, говорит, вспоминая Татьяну: «Она могла хорошо жить, кабы не распутство ее... да и распутство-то — по жалости» [Горький, 1972 б, с. 294], обнажая тем самым сложную природу ее характера. У этого типа личности, соединяющего «жалость» и «распутство», есть и своя история, отчасти его объясняющая: муж Татьяны «человек был нехороший и пьяница, у него в караулке монашки гуляли по ночам с охочими людьми» [Горький, 1972 б, с. 284–285], к чему он побоями склонил и Татьяну. Здесь, может быть, обознача-

ются корни того «пассивизма», который Горький упоминал в письме о замысле цикла «По Руси». Единственным просветом в жизни Татьяны была любовь к «одному человеку» («с ним, а не с мужем, я и узнала настоящее, женское» [Горький, 1972 b, с. 285]), но это не привело ни к чему хорошему: жена этого человека добилась того, что мужа Татьяны лишили должности, и вскоре муж умер, оставив ее одну.

Развитие сюжета раскрывает особую трактовку Горьким темы сострадания, которое окрашивается противоречивыми тонами агрессии, отвращения, сексуального влечения, ревности. Герой наблюдает за Татьяной и становится свидетелем ночного разговора, в котором она предлагает избитому пензенскому парню пойти вместе и устроить семейную жизнь, на что тот отвечает недоверием и грубыми приставаниями и, в конце концов, бьет ее. Рассказчик, прервавший эту сцену, находится в замешательстве по поводу происходящего, весь этот вечер он мысленно мечется между сочувствием и возмущением. Сначала во дворе хаты ему «нестерпимо хочется говорить кому-то речь, полную обиды за всех, жгучей любви ко всему на земле» [Горький, 1972 b, с. 277] (Курсив мой. — А.О.), затем, в хате, «хочется встать и вышвырнуть парня <...> пинками, а потом долго говорить этой женщине какие-то сердечные слова. На руки бы взять ее, как покинутого ребенка...» [Горький, 1972 b, с. 282], однако разговор с ней он, «сердясь на нее за *что-то*» (Курсив мой. — А.О.), начинает словами: «Ты — сумасшедшая, что ли?» [Горький, 1972 b, с. 283].

Л.А. Колобаева, рассматривая проблему сострадания в творчестве Горького, отмечает рассказ 1923 г. «Отшельник» как «вершину творческого принятия подобного феномена» [Колобаева, с. 96]. Здесь сострадание «видится автору в своей *чувственной основе*, в некоем, по-розановски терпко ощущаемом *телесном*, природном корне. Это свойственное герою *чувство красоты*, преимущественно женской, <...> ощущение родства со всей и всяческой живностью на земле...» (Курсив автора. — А.О.) [Колобаева, с. 95]. Дальнейший анализ покажет, что образ Татьяны также соединяет в себе обозначенные ассоциации сострадания (к ней и ее собственного) с телесностью, фемининностью и непреодолимой «естественной» силой женщины.

Образ героини становится не только репрезентацией определенного социального типа в рамках реалистической традиции, но и отражением национальных и гендерных представлений автора. Синтетический характер образа подчеркивается, например, тем,

что героиня крайне редко называется рассказчиком по имени (все-го пять раз, причем только по полному имени Татьяна), чаще всего фигурируя как «женщина» (19 раз) или «рязанка» (восемь раз; а также один раз «рязанская» и один раз «рязанская женщина»). Герой-рассказчик сам осознает, что видит в Татьяне то реальную личность, то мыслительный объект, элемент его собственных фантазий (что соответствует модернистскому взгляду на фемининность как на отвлеченное, вечноженственное явление, как на категорию Женщины): «<...> конечно, хотелось крепко обнять ее, но — лучше уйти поскорее в тихую пустынную степь и, унося с собою воспоминание об этой женщине, шагать одиноко по твердой дороге к серебряной стене утонувших в небе гор...» [Горький, 1972 b, с. 286–287].

В том, как Горький изображает сексуальную близость рассказчика и Татьяны, можно обнаружить элементы эссенциализма и, в частности, влияние идей Розанова об «обоожествлении пола», хотя это предположение и нуждается в оговорках. Горький интересовался работами философа еще с 1890-х гг., а в 1923 г. напишет в письме, что Розанов — «один из крупнейших мыслителей русских, человек крайне оригинальных взглядов, особенно в области сексуальной» [Письма А.М. Горького к В.В. Розанову, с. 320]. Однако в 1910-е гг. он более чем скептически отзывался о религиозно-философских исканиях современников; об «идее божественности пола» он позже скажет, что она «послужила интересам порнографии», воспринятая мещанством как призыв к абсолютной сексуальной свободе [Горький, 1918, с. 116]. Тем не менее в изображении сексуальности рассказ обретает если не мистическое (сам Горький вряд ли одобрил бы такой эпитет), то мифопоэтическое звучание. Накануне ночного разговора предчувствия героя воплощаются в сексуально-репродуктивной метафорике пейзажа: солнце, «обняв <...> землю своими лучами, несет ее, любимую, в голубом пространстве, оплодотворяя и лаская» [Горький, 1972 b, с. 277–278]. В «Опавших листьях» содержится схожее высказывание: «Я постоянно хотел видеть весь мир беременным» [Розанов, с. 138].

Интимный разговор героев происходит ночью во дворе хаты, тем самым они оказываются вписаны в характерное для поэтики цикла «По Руси» открытое, широкое пространство, воплощающее мироздание: «Такая странная тишь, что женщина все время говорит едва слышным шепотом. Оба мы точно погружены глубоко в черную пустоту, где нет жизни, и наша доля — начать жизнь» [Горький, 1972 b, с. 284]. Лексема «пустота», как отмечает С.В. Богачкина, играет принципиальную роль в художественной реальности цикла, с одной

стороны, создавая эффект единства и целостности мира, с другой — обязательно помещая человека в центр этого мира [Богачкина]. Затем пространство сужается, наступает рассвет, герои скрываются в зарослях бурьяна, «точно в маленькой пещере», и утром рассказчик ощущает в груди уже «светлую» (а не черную) «пустоту» [Горький, 1972 b, с. 288].

Татьяна наделена материнскими чертами, однако и в этом отношении ее образ оказывается неоднозначным. Она говорит с избытком парнем «тоном матери» [Горький, 1972 b, с. 275] и учит подругу, что «баба и мужу и любовнику вместо матери встает» [Горький, 1972 b, с. 278]. Материнство понимается здесь предельно широко, оно связывается с состраданием, которое героиня испытывает не только к отдельным людям, но и в форме глобального ощущения: «<...> жалко всех... всю-то жизнь жалко, всю наскрозь, всех людей...» [Горький, 1972 b, с. 284]. Насчет того, были ли у героини собственные дети, даются противоречивые сведения: в начале рассказа герой «в прореху холщовой рубахи» видит «небольшую крепкую грудь, — грудь девушки, но оттянутый сосок говорит» ему, что перед ним — «женщина, кормившая ребенка» [Горький, 1972 b, с. 269]; однако затем в рассказе Татьяны о своей жизни дети не упоминаются. Это свидетельствует о том, что для Горького (как и для Розанова) в образе женщины важна сама потенция рождения; она ощущается рассказчиком, возможно, мерещится ему, из-за чего Татьяна изображена подчеркнуто витальной, пышущей здоровьем, и с ней, несомненно, связываются надежды повествователя на обновление «Руси».

Фигура рассказчика, таким образом, делает взгляд на Татьяну многомерным: сквозь реальную женщину, недовоплотившую свое материнство, мерцает идеал женщины, соответствующий представлениям героя, а может, и самого Горького (витальная, рождающая, сострадательная). В то же время введение героя-рассказчика позволяет Горькому дистанцироваться от слишком вульгарной идеи, сближающей сексуально раскрепощенную босячку с вечной матерью и дарительницей жизни (что могло быть осмеяно в критике): это сближение происходит лишь в априори ограниченном сознании героя, ненадежного рассказчика, и не доходит до того, чтобы — в духе Розанова — напрямую рефлексировать «рождающее начало» в метафизическом духе.

Сцены, в которых рассказчик видит грудь героини, несут в этом контексте особую смысловую нагрузку. Горький часто уделяет внимание женской груди, что подметил еще искусствовед и биограф

Розанова Э.Ф. Голлербах [Чечнёв, Аров]. В случае рассказа «Женщина» эту фиксацию подчеркивают приемы субъективации повествования. Как это свойственно прозе Горького, человек проступает в рассказе постепенно — текст открывается безличным экспрессионистическим изображением природы, никак не обнаруживающим рассказчика: «<...> горный хребет — точно огромный парус, и земля — со свистом — несется среди бездонных голубых пропастей, оставляя за собою изорванные ветром облака» [Горький, 1972 б, с. 265]. Затем нарратив фокусируется на группе странников и их разговорах; наконец, рассказчик эксплицирует свое «я» в цитированном выше описании груди героини: «<...> в прореху холщовой рубахи я вижу...» [Горький, 1972 б, с. 269]. Именно эта ситуация взгляда, причем довольно интимного, делает невозможным продолжение повествования от лица абстрактного всевидящего нарратора и требует появления героя, как бы вызывает его к жизни.

Описанная сцена относится к той части повествования, в которой доминируют глагольные формы настоящего времени, и характерно, что во второй раз упоминание героем груди также делается в настоящем времени: «Я гляжу на грудь женщины, окропленную, как земля росой, каплями влаги, они краснеют, отражая солнечный луч, — точно кровь выступила сквозь кожу» [Горький, 1972 б, с. 288]. Здесь повторяется та же конструкция с глаголом зрения («я вижу», «я гляжу»), хотя на этот раз ее можно было бы опустить как сообщающую то, что очевидно из контекста. С одной стороны, такая конструкция подчеркивает объективированность тела героини, обозначает, что картинка опосредована мужским взглядом, с другой — вероятно, выражает удовольствие и очарованность рассказчика, который, по словам Татьяны, «установился» на нее, «словно ребенок» [Горький, 1972 б, с. 288].

Сама Татьяна, по-видимому, воспринимает обозначенную часть своего тела не как сексуальный объект, интимное место, а какместилище чувств (что соответствует концепту груди в русской языковой картине мира): «Иной раз так уж бывает — нахлынет что-то в душу до того, что даже больно в грудях, и так уж вся и открылась бы, как перед месяцем... али — в жару — пред рекою... право, ей-богу!» [Горький, 1972 б, с. 288]. Этот телесный порыв, желание обнажиться (выступающее скорее как метафорическое, нежели конкретное обнажение), кажутся рассказчику (а вслед за ним и «наивному» читателю) каким-то бунтом против социальных и гендерных ограничений, который героиня совершает неосознанно, «естественно», словно в ней в этот момент действует не ведающее стыда репродук-

тивное начало. Когда эмоции спадают, она замечает: «После, конечно, стыдненько...» [Горький, 1972 b, с. 288].

Переход от бытового плана повествования на метафизический уровень осуществляется с помощью обращения к народному, низовому православию. В рассказе названа «высшая женская ипостась», к которой обращается Татьяна, и это образ Богородицы, заступницы женщин. Татьяна учит подругу терпеть побои мужа, увещевая ее: «Мужуку тоже трудно жить, не забудь, милая», — и советует ей выучить «Сон Богородицы». Известно, что этот духовный стих произвел большое впечатление на Горького и был связан с его воспоминаниями о бабушке Акулине, чей образ выступал светлым лучом среди жестокости, окружавшей писателя в детстве. Бабушка знала «Сон Богородицы» наизусть и советовала женщинам заучивать его на счастье. Можно также вспомнить слова Вассы Железновой из пьесы 1910 г.: «Матери — все удивительные! Великие грешницы, а — и мученицы великие! Страшен будет им господень суд... А людям — не покаюсь! Через нас все люди живут — помни! Богородице, матушке моей, все скажу — она поймет!» [Горький, 1972 a, с. 219].

Помимо чувств и эмоциональных порывов, в крепкой груди для самой героини заключена возможность быть хорошей женой и матерью, именно поэтому она без смущения, наивно обращается к пензенскому парню: «<...> ты гляди, какая годная я, пощупай груди-то...» [Горький, 1972 b, с. 281], — но тот, видя в груди только сексуальный объект и потому неправильно трактуя предложение, начинает приставать к Татьяне, а в ответ на ее сопротивление бьет ее — опять же, в грудь.

Для рассказчика грудь Татьяны выступает символом того пропадающего потенциала, о котором он размышляет на протяжении всей истории: «<...> моя радость быстро тает — почти до слез, до тоски жалко эту грудь — я, почему-то, знаю, что бесплодно иссякнет живой ее сок» [Горький, 1972 b, с. 288]. В сцене с парнем из Пензы, отвергшим Татьяну, этот символ жизни оказывается погран буквально, через физическое насилие.

Предположительно, одним из набросков к рассказу является заметка Горького: «Одна я очень. Нет человека душе моей, — мне подходящего. Мужиков — много, а людей вот нет» [Горький, 1972 b, с. 603]. Эта запись подчеркивает важность образа Татьяны в замысле рассказа: контрастируя с той «средой», которую исследует Горький, или воплощая лучшую сторону этой «среды», героиня высвечивает ее проблемные точки, прежде всего гендерное неравенство и более уязвимое, трагичное положение женщины среди других

бродяг и неприкаянных. Противопоставление «мужиков» и «людей» можно трактовать как стремление выйти за рамки как сословной, так и гендерной заданности. В самом рассказе эта мысль высказана несколько иначе: «Ты думаешь, я мужика ищу? Мне мужа надо надежного, хорошего человека...» [Горький, 1972 b, с. 282]. Героиня говорит о желании найти не просто сожителя со всеми атрибутами традиционной маскулинности и патриархатности (бьет, ревнует, не уважает и т. д.), а друга и спутника. Эта осмысленная позиция выделяет ее среди женщин ее судьбы и социального положения. Воспринимаемая окружающими ее странниками как «распутница», Татьяна демонстрирует способность и желание увидеть в другом человека, воспринять его вне навязанной характеристики.

Итак, образ главной героини рассказа «Женщина» оказывается вписан в социальную, литературную и отчасти философскую проблематику своего времени. Горький затрагивает проблему безвыходности женской доли, особенно одинокой женщины, выявляет ложь пуританской морали, реабилитирует женское тело («плоть» в терминологии религиозных философов) и сексуальность, женскую витальность (женщину как дарительницу жизни). Можно также отметить переключки рассказа «Женщина» с народнической литературой о проблемах русской жизни, с дискурсом «новой женщины» (хотя подобная трактовка была скорее «вчитана» Коллонтай в рассказ Горького), противопоставленным модернистским гендерным экспериментам как неэлитарные [Эконен, с. 55], а также пересечения с прокреационизмом Розанова, который также противостоял парадоксальной философской идее об эротическом воздержании как условию «уничтожения смерти и достижения бессмертия тела» [Матич, с. 9].

При всех замечаниях в адрес Розанова, Горький с похвалой отмечал, что тот «всю жизнь» грыз «зубами одну из звеньев той цепи предрассудков, которою окован наш народ» [Горький, 1999, с. 103], имея в виду предрассудки религиозной морали о сексуальной близости как сфере стыдного и грязного. В соответствии с розановской идеей телесность героини изображена почтительно, с преклонением перед женщиной как носительницей тайны новой жизни, а Татьяна, чье самовосприятие сильно отличается от восприятия ее рассказчиком, «наивно» ощущает свою телесность и сексуальность практически вне понятия о стыде. В то же время ее свобода оправдана не сама по себе, а через стремление к материнству, т. е. выполнению традиционной женской роли в рамках патриархатного гендерного порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5: Письма. 1905–1906. 576 с.
- Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2002. Т. 9: Письма. Март 1911 – март 1912. 704 с.
- Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2003. Т. 10: Письма. Апрель 1912 – май 1913. 783 с.
- Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1972 а. Т. 13: Пьесы. Сцены. Наброски. 1907–1917. 576 с.
- Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1972 б. Т. 14: Повесть. Рассказы. 1912–1917. 632 с.
- Горький М. Статьи. 1905–1916 гг. 2-е изд. Пг.: Парус, 1918. 214 с.
- Измайлов А.А. Погибающие силы // Новое слово. 1913. № 2. С. 123–126.
- Коллонтай А. Новая женщина // Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: Изд-во ВЦИК СРККД, 1919. С. 3–35.
- Письма А.М. Горького к В.В. Розанову и его пометы на книгах Розанова / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. Л.Н. Иокар // Контекст-1978. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1978. С. 297–342.
- Розанов В.В. Собр. соч. Листва / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Респубблика; СПб: Росток, 2010. 591 с.

Исследования

- Богачкина С.В. Образ мира в цикле рассказов М. Горького «По Руси» (1912–1917 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 1. С. 33–37.
- Захарова В.Т. Проза М. Горького Серебряного века. Н. Новгород: НГПУ, 2008. 116 с.
- Зусева-Озкан В.Б. Сюжет «женщина среди мужчин» у М. Горького и Е. Замятина: «Двадцать шесть и одна» и «Одиннадцать и одна» // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 4. С. 194–211. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-194-211>
- Колобаева Л.А. Сострадание как проблема в художественном мире М. Горького // Колобаева Л.А. Философия и литература: параллели, переклички и отзвуки (Русская литература XX века). М.: ООО «Русский импульс», 2013. С. 90–101.
- Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России / авториз. пер. с англ. Е. Островской. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.

Уртминцева М.Г., Максимова Т.Г. «Другой» М. Горький: тема женской судьбы в сборнике «Un premier amour et autres histoires» (2007) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1 (86). С. 112–117.

Чечнёв Я.Д., Аров Я.И. Конструирование фемининности в литературно-философском творчестве В.В. Розанова и Э.Ф. Голлербаха // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 365–397.

Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 400 с.

REFERENCES

Bogachkina, S.V. “Obraz mira v tsikle rasskazov M. Gor’kogo ‘Po Rusi’ (1912–1917 gg.)” [“World’s Image in Cycle of Stories ‘In Russia’ by M. Gorky (1912–1917)”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, no. 1, 2014, pp. 33–37. (In Russ.)

Zakharova, V.T. *Proza M. Gor’kogo Serebriannogo veka* [M. Gorky’s Prose of Silver Age]. Nizhny Novgorod, NGPU Publ., 2008. 116 p. (In Russ.)

Zuseva-Özkan, V.B. “Siuzhet ‘zhenshchina sredi muzhchin’ u M. Gor’kogo i E. Zamiatina: ‘Dvadsat’ shest’ i odna’ i ‘Odninadsat’ i odna’.” [“The Plot of ‘A Woman among Men’ by M. Gorky and E. Zamyatin: ‘Twenty-six and One’ and ‘Eleven and One.’”] *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 194–211. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-194-211> (In Russ.)

Kolobaeva, L.A. “Sostradanie kak problema v khudozhestvennom mire M. Gor’kogo” [“Compassion as a Problem in the Artistic World of M. Gorky”]. Kolobaeva, L.A. *Filosofia i literatura: paralleli, pereklichki i otzvuki (Russkaia literatura XX veka)* [Philosophy and Literature: Parallels, Roll Calls and Echoes. (Russian Literature of the Twentieth Century)]. Moscow, Russkii impul’s Publ., 2013, pp. 90–101. (In Russ.)

Matich, O. *Eroticheskaia utopiia: Novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic Utopia: New Religious Consciousness and Fin de Siècle in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 400 p. (In Russ.)

Urtmintseva, M.G., and T.G. Maksimova. “‘Druгой’ М. Горький: тема женской судьбы в сборнике ‘Un premier amour et autres histoires’ (2007)” [“‘The Other’ M. Gorky: the Theme of Women’s Fate in the Collection ‘Un premier amour et autres histoires’ (2007)”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, no. 1 (26), 2020, pp. 112–117. (In Russ.)

Chechnev, Ia.D., and Ia.I. Arov. “Konstruirovaniie femininnosti v literaturno-filosofskom tvorchestve V.V. Rozanova i Je.F. Gollerbaha” [“The Construction

of Femininity in the Literary and Philosophical Works of V.V. Rozanov and E.F. Gollerbach”]. Zuseva-Özkan, V.B., editor. *Femininnost' i maskulinnost' v kul'ture moderna: Rossiia i zarubezh'e* [*Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russian and Abroad*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 365–397. DOI (In Russ.)

Ekonen, K. *Tvorets, sub"ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [*Creator, Subject, Woman: Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)